

Глава 25

В это время, далеко в столице.

Ночь была глубока. В императорском кабинете молодой человек в ярко-жёлтом халате с вышитым драконом тихо сидел под светом лампы, держа в руках книгу. Тусклый свет свечи отражался на его лице, которое по сравнению с другими Тянь Цянями было поразительно изящным, что ещё больше подчёркивало его бледную кожу, подобную безупречному белому нефриту.

Хотя казалось, что он читает, его рука давно не переворачивала страницу. Его длинные пальцы снова и снова поглаживали край страницы, показывая, что мысли его были далеко.

Внезапно движение его пальцев остановилось. Молодой человек опустил взгляд и понял, что порезал палец о острый край бумаги, и капля ярко-красной крови окрасила прежде чистую страницу.

Он, обычно очень щепетильный в вопросах чистоты, с отвращением нахмурился и небрежно бросил испачканную книгу в мусорную корзину, полностью игнорируя тот факт, что это было редкое драгоценное издание, которое он получил всего три дня назад.

Увидев это, один из дворцовых слуг немедленно шагнул вперёд, опустился на колени и принялся тщательно обрабатывать его рану. В комнате воцарилась полная тишина.

В этот момент внезапный звук торопливых шагов нарушил ночную тишину дворца, заставив всех вздрогнуть.

«Ваше Величество—!»

Мгновение спустя вошедшие люди переступили порог, но прежде чем они успели что-либо сказать, молодой человек резко прервал их: «Что за шум?!»

«Вы что, считаете дворец своим задним двором?»

Голос молодого человека был медленным и неторопливым, с едва уловимой интонацией, но он заставил вторгшегося так испугаться, что тот быстро опустился на колени, со стуком ударившись лбом о холодный каменный пол, не смея поднять головы. Остальные слуги немедленно последовали его примеру и в страхе опустили на колени.

Чжао Юй медленно убрал руку от слуги, затем небрежно отбросил в сторону окровавленный платок. Только после этого он лениво поднял взгляд на коленопреклонённого и тихо спросил: «Вы нашли их?»

Чжоу Чэндэ заикаясь проговорил: «Я—я проявил некомпетентность...»

Не успел он закончить, как белая нефритовая чашка внезапно полетела в него. Он не посмел уклониться и беспомощно наблюдал, как чашка едва не задела его лицо и разбилась о каменный пол рядом с ним, осколки разлетелись и поранили его руку. Однако он продолжал стоять на коленях, ожидая наказания.

Разгневанный Чжао Юй выругался: «Бесполезный».

Чжоу Чэндэ опустился ещё ниже, беспрестанно извиняясь. Отчитав его, Чжао Юй потёр

ноющую переносицу, и в его голове пронеслась тысяча мыслей. Он пробормотал: «Если мы не найдём печать тигра и императорский указ, этот трон... никогда не будет для меня законным».

В зале воцарилась полная тишина. Все слышали его бормотание, но никто не осмелился произнести ни слова.

Чжао Юй был крайне раздосадован. Он просчитался; он не ожидал, что тот старик действует так быстро и сумеет вызвать Шэнь Игуана обратно с границы раньше него. Мало того, что он забрал Чжао Цэня у него из-под носа, так ещё и печать для управления войсками пропала.

К тому времени, когда Чжао Юй отреагировал и послал людей схватить его, они нашли только труп старого императора.

И хотя Шэнь Игуан, должно быть, уже давно скрылся вместе с принцем, даже если это и так, он все равно, не мог бы далеко уйти без сопровождения войск. В порыве гнева, когда у него не было времени тщательно обыскать дворец, Чжао Юй приказал сжечь императорские покои дотла. Однако, когда дым рассеялся, печать всё ещё не была найдена. До сих пор он не имел никакой полезной информации.

Когда Жунцин увидел, что дело дошло до этого, он испугался, что люди, которых он отправил, либо потерпели неудачу, либо потеряли след принца. К этому дню никто не знал, где они были.

Без печати тигра, что была в руках Шэнь Игуана он не мог легко мобилизовать 100 000 войск на границе или 50 000 солдат, охраняющих Юньчуань. Имея в столице только 30 000 императорских гвардейцев, невозможно было добиться какого-либо реального прогресса в поисках.

Хотя он сейчас и взошёл на этот высокий пост, императорский указ покойного императора всё ещё находился у Шэнь Игуана. Другими словами, пока бывший наследный принц Чжао Цэнь был ещё жив, его положение на драконьем троне всегда будет шатким и незаконным.

Больше всего его беспокоила фракция старых консерваторов при дворе, которая отказывалась признавать его правление. Они ежедневно подавали доклады с критикой в его адрес. Некоторые из них, полагаясь на свой возраст, смело указывали на него пальцем в зале заседаний, осыпая его самыми неприятными проклятиями. Даже если он мог приказать утащить их и казнить, как только он убивал одного, на его месте немедленно появлялся другой. Это было поистине неприятно.

Чжао Юй стиснул зубы, размышляя, что на самом деле он не хотел доходить до такой крайности. Ради этого положения он тщательно планировал и терпеливо ждал целых восемь лет, вынес множество лишений и заплатил высокую цену. Он не мог позволить себе ни слабости, ни отступления.

В конце концов, он уже совершил отцеубийство и братоубийство, так что после смерти он всё равно попадёт в ад. Репутация, которую он оставит потомкам, будет такой же плохой, поэтому одним поступком больше или меньше—не имело значения.

Придя к этому осознанию, Чжао Юй снова поднял голову, и холод в его глазах усилился. «Ты немедленно возьмишь людей и окружишь резиденцию герцога Чжунъюна»,—сказал он с таким выражением лица, словно объявлял о самом обыденном деле, без малейших колебаний. Смертоносный настрой был ощутим. «Если кто-то в резиденции посмеет оказать сопротивление—убивать без пощады».

Чжоу Чэндэ, всё ещё стоявший на коленях, внезапно поднял голову в неверии и воскликнул: «Ваше Величество, подумайте дважды!»

«Семья герцога Чжунъюна веками была верна, всегда предана императорскому двору и Вашему Величеству. Старый герцог и генерал пали на поле боя, их сердца были полны верности!»

Сказав это, Чжоу Чэндэ помедлил и добавил: «К тому же, эта госпожа Шэнь... является вашей наречённой невестой...»

Чжао Юй уставился на него ядовитым взглядом, словно ядовитая змея, готовая напасть, и холодно усмехнулся: «Чжоу Чэндэ, ты тоже хочешь попробовать, каково это—быть сваренным заживо раскалённым железом?»

Услышав это, Чжоу Чэндэ поспешно снова поклонился: «Я не смею!»

Чжао Юй холодно фыркнул и неторопливо продолжил: «Если ты не сделаешь, я пошлю кого-то другого. Но, похоже, ты больше не хочешь занимать должность командующего императорской гвардией».

Он твёрдо решил не оставлять места для оппозиции. Если бы не то, что Чжоу Чэндэ обладал некоторыми навыками и имел прошлое с Шэнь Игуаном, Чжао Юй никогда бы не пощадил его. Он уж точно не стал бы использовать такого человека.

Чжоу Чэндэ немедленно опустил голову, признавая свою вину, и не осмелился больше говорить. Получив приказ, он поспешно ушёл, боясь опоздать хоть на мгновение.

Увидев, что тот знает своё место, Чжао Юй остался доволен. Он лениво откинулся на спинку стула, повернулся и посмотрел в открытое окно на холодный полумесяц в небе, тихо погрузившись в размышления.

Пин Чжао, ты вынудил меня сделать это.

Тем временем Чжоу Чэндэ только что вышел из дворца и, пройдя половину пути, внезапно схватил одного из своих доверенных слуг и прошептал ему несколько слов. Слуга, воспользовавшись моментом, бесшумно отделился от группы и исчез без следа.

Получив императорский указ о захвате дома герцога и истреблении его семьи, Чжоу Чэндэ поднял взгляд к холодной луне в небе, выдохнул облачко пара и почувствовал, как его сердце сжалось от страха.

Перед нынешним императором он был не более чем муравьём, неспособным что-либо изменить.

Он сделал всё, что мог, послание было отправлено, и он мог только надеяться, что молодой господин Се будет действовать быстро. Возможно, у семьи Шэнь ещё оставался проблеск надежды.

Но что бы ни случилось, этой ночью прольётся чья-то кровь.

Шэнь Игуан снова проснулся от кошмара.

Ему следовало бы уже привыкнуть, потому что это был не его первый кошмар. С тех пор как он

бежал, его почти каждую ночь мучили ужасы: то ему снилось, что его раскрыли и убили вместе с Цэньэр, то он видел трупы своей сестры и племянника—ничего хорошего.

Прошлой ночью ему приснился Чжао Юй, который холодно предупредил его повернуть назад, сказав, что если он не выдаст наследного принца и императорский указ, он использует Чжиюй, чтобы отомстить за его «предательство».

Шэнь Игуан прекрасно знал, что в сердце Чжао Юя у них была почти десятилетняя дружба. Чжао Юй также должен был стать его зятем, тем, кто должен был быть на его стороне, помогая ему взойти на трон.

Пока он «знал своё место» и отдавал печать тигра и императорский указ, Чжао Юй хорошо обошёлся бы с Цэньэром после восшествия на престол, позволив ему жить как беззаботному и богатому князю. Им не нужно было становиться врагами; они могли бы оставаться друзьями, как и раньше.

Но Шэнь Игуан был из тех, кто верил в принципы, а не в кровные узы. Даже без последней воли покойного императора он никогда бы не объединился с Чжао Юем.

Тревожное предчувствие усиливалось, и Шэнь Игуан не собирался снова ложиться спать. Свет за окном был тусклым. Он перевёл взгляд, оглядывая странную, но в то же время знакомую обстановку комнаты. Он также увидел красный иероглиф «двойное счастье» на окне и на мгновение наконец вспомнил, что вчера был день его свадьбы.

Свадьба...

Верно.

Рассеянные мысли Шэнь Игуана постепенно вернулись, и он наконец вспомнил текущую ситуацию. Цэньэр всё ещё мирно спал в соседней кровати, а Цяо Си обнимал его, они крепко спали. Он быстро вскочил с кровати, споро оделся и приготовился выйти.

Когда он открыл дверь, снаружи было огромное белое пространство. Несколько снежинок, гонимых ветром, кружились и падали ему на лицо, быстро тая в маленькие капли воды, почти сразу исчезая.

За день и ночь во дворе накопился толстый слой снега. Куда ни глянь—всё было белоснежным, и воздух казался застывшим, словно ничто не могло двигаться. Обычных звуков птичьего щебета не было слышно, всё было зловеще тихо.

Шэнь Игуан посмотрел на толстый снег, доходивший ему до икр, и пошёл в сарай за бамбуковым веником. Он хотел расчистить дорожку, пока Цяо Си не проснулся.

Он уже расчистил половину пути, когда услышал из комнаты мягкий шум, и дверь снова открылась. Цяо Си, полностью одетый, вышел, зевая. Он протёр глаза и лениво потянулся. Увидев толстый слой снега во дворе, он спросил: «Почему ты не разбудил меня, чтобы я помог?»

Шэнь Игуан, держа веник, мягко ответил: «Такое пустяковое дело не должно тебя утруждать».

«Ещё рано. Иди обратно спать»,—предложил он.

Но Цяо Си покачал головой и сказал: «Не буду спать».

Сказав это, он подошёл к бочке с водой и поднял крышку. Как и ожидалось, внутри образовался толстый слой льда. Шэнь Игуан последовал за ним и несколькими сильными ударами разбил толстый слой льда, который треснул с серией резких звуков.

Цяо Си с восхищением посмотрел на него и сказал: «Ух ты, этот приём такой крутой! Научишь меня когда-нибудь?»

Услышав его откровенную похвалу, Шэнь Игуан почувствовал себя немного застенчиво. «Это всё внутренняя культивация, этому нужно учиться с детства и накапливать с годами. Это не то, что можно сделать быстро. Ты постарше, поэтому, возможно, будешь учиться медленнее, но... я могу научить тебя постепенно».

«Правда?»—Цяо Си довольно усмехнулся, доставая из бочки несколько больших кусков льда и кладя их в таз, затем отнёс их на кухню, чтобы нагреть и вскипятить. После этого он умылся горячей водой, чувствуя себя освежённым и окончательно проснувшимся.

Затем он наполнил таз оставшейся горячей водой и снова вышел на улицу. «Санлан, не хочешь тоже умыться?»

Шэнь Игуан посмотрел на таз с парящей водой и покачал головой. «Я умоюсь холодной водой».

Затем он зачерпнул полный ковш ледяной воды и в одном движении вымыл руки, прополоскал рот, почистил зубы и небрежно протёр лицо свежим снегом с земли.

Цяо Си смотрел на это и ему становилось холодно только от одного взгляда. Он невольно поёжился. Санлан был действительно крепким—протирать лицо снегом это одно, но он делал это так сильно, что кожа краснела. Он что, не боялся сделать кожу чувствительной?

Шэнь Игуан не заметил жалобы Цяо Си. После того как он просто умылся, он взял веник и продолжил разметать снег. Позже, почувствовав жар, он небрежно снял верхнюю одежду и остался только в тонком нижнем белье, продолжая работать, а от его головы поднимались струйки белого пара.

Цяо Си посмотрел на свою собственную небольшую фигуру и представил, как было бы здорово, если бы у него были такие же большие мускулистые руки, как у Санлана. Тогда заниматься сельской работой было бы не так утомительно.

Поскольку Цяо Си настаивал, Шэнь Игуан протянул ему лопату, и они вдвоём работали бок о бок. К тому времени, как взошло солнце, им удалось расчистить весь толстый снег, накопившийся во дворе. Цяо Си открыл ворота, встал снаружи и глубоко вздохнул. Его лёгкие мгновенно наполнились свежим холодным воздухом, и усталость от работы лопатой исчезла в одно мгновение. Далеко на восточном горизонте начало подниматься красное солнце, и внезапно Цяо Си почувствовал себя в исключительно хорошем настроении.

Он медленно обернулся, улыбнулся стоявшему позади Шэнь Игуану и, встретив первый после зимы снегопад, громко сказал:

«Санлан, доброе утро!»

Шэнь Игуан, держа веник, долго смотрел на его улыбку. Затем он тихо последовал его примеру и мягко ответил:

«...Доброе утро»

<http://bllate.org/book/17973/1728318>